

На свете мало людей, которыми я люблю. К этому разношерстному и довольно экзотическому сообществу принадлежит Сергей Доренко — невзрачный на все мои с ним несогласия, расхождения в оценках и откровенный ужас перед его приемами, который я временами испытываю. И все-таки Доренко всегда рискует, и это привлекательно само по себе. Он не бьет лежачего, а если и гонит волну, то исключительно на тех, кто в силе. Он не делает вид, что работает в белых перчатках. Он блистательно владеет ремеслом. И — что бы он там ни говорил с экрана — его оценочные ситуации, даваемые вне «Программы Сергея Доренко», всегда точны. Это не снимает множества претензий к нему. Но давайте уж тогда признавать и достоинства нашего героя — смелость, ум, великодушие (с которым он, кстати, сегодня защищает тех, что два года назад травил его). Мне не хватает его программы в эфире — не хватает гораздо больше, чем киселевских «Итогов», в которых я не верил ни одному слову. То есть слову-то, может, и верил, но вот искренности его...

сергей доренко:

МОТОЦИКЛ ПОМЕНЯЛ НА САМОЛЕТ

Принц может сделать с королем все — даже кинжалом заколоть

— Сергей, начну, если позволите, не с наших дел, а с испанских. Я недавно посетил эту страну, вами столь любимую, и был жестоко разочарован. Передо мной была страна грубая, жуликоватая, не слишком гостеприимная, довольно провинциальная, совсем не романтическая...
— Вы где были?
— В Мадриде и Барселоне.
— Ну, Барселона — это все-таки Каталония, случай особый. Хотя все они тоже подданные его величества, и чувствуются знаменитая «испанская спина». У меня много друзей-каталонцев. Но... Моя Испания — это тема бесконечная. Она началась для меня задолго до первого визита туда, с тех испанцев, детей республики, которых вывезли в СССР в тридцать седьмом. Они были люди особенные, хотя и выросшие здесь, и пустившие корни, — но ореол мученичества над ними стоял все равно. Если вы в шесть

провозгласил его наследным принцем. А принц уже может сделать с королем все что угодно, вплоть до того, чтобы заколоть кинжалом: он высшая каста. Все прочие будут восприниматься как выскочки. Особенно когда эти выскочки еще и непоследовательны — я всего лишь напомнил стране о том, как Лужков, вращая глазами и потев лицом, кричал с трибуны: «Россия! Ельцин! Победа!» Ну вы же ельцинист, дорогой друг, куда вы лезете со своей критикой? В значительной степени пиар Лужкова основывался только на том, что все уже понимали: власть уходит из Кремля. А он сказал это вслух. Только и всего. Но кто ты такой, чтобы говорить это вслух? Разве сам ты — не человек этого же Кремля, только кастой пониже? Вот говорят: гениальная идея с «Единством». Ничего гениального нет, идея простейшая: была сделана точная копия «Отечества». Что сделало «Отечество»? Вошло шест и сказал: здесь власть; региональные бароны, стекайтесь сюда! «Единство»

опасно давать развиваться; но пока его тактика — дать каждому стать собой, проявиться максимально полно. Это касается и генералов и «ястребов», и бюрократов, и оппозиционеров. Беречь Путина надо хотя бы потому, что на смену ему может прийти настоящий тиран, выпестованный чеченской войной. Легионер, вернувшийся из Галлии в развратный Рим: «Как, я за это проливал кровь?!» Провести такого человека в президенты будет несложно. И при нем мы имеем все шансы узнать, что такое настоящее угнетение свободы слова.
— Вы полагаете, это возможно уже в 2004 году?
— Выборы 2004 года не будут для Путина слишком просты. Не хочу указывать ему на ошибки, поскольку, давая интервью, говорю о своих субъективных ощущениях, — но, на мой взгляд, он несколько «занеместился». До сих пор действует по принципу «Выберите меня!» Хотя его давно выбрали. Ему нравится нравиться, а это опасно: сейчас уже работать нужно.

Мой друг Березовский очень хочет вернуться

— Вы упомянули свой прыжок к ковровым бомбардировкам Чечни. Интересно, вы сейчас так же думаете?
— Что значит «думаю ли я так же»? Я же не таблицу умножения декламирую с экрана, чтобы вы сегодня могли спросить: «А вы все еще думаете, что дважды два — четыре или что уже четыре с половиной?» А я отвечаю: «Знаете, сегодня, мне кажется, будет восемь»... Нет, я человек достаточно спонтанный — в том смысле, что говорю о своих ощущениях. В тридцатиградусный мороз я думаю о пекле, лещка представляется мне пределом мечтаний. Усевшись на нее и обжечься, я мечтаю совсем о другом.
— И все-таки после двух лет

столько небольшой, что в 1996 году закрыл программу «Версии» и начал делать «Характерь» — понимаю, что делать «Версии» в антиэлитном духе мне не дадут. Тогда никто не верил в возможность ельцинской победы — 6 процентов рейтинга! Но Березовский сказал: «Ельцин — наш президент!» И все поверили: ну-у, раз Березовский сказал...
— Мне кажется, страна его тоже почти полюбила. Как «нашего еврея».
— Нет, отношение страны к

Африку, Америку — но не мыслю себя вне России и на пятый день в Штатах или на Мальдивах начинаю разгонять хандру тем, что рассматриваю свой обратный билет.
— То есть об эмиграции вы не думаете?
— Думаю, но она для меня невозможна. Пока. Я могу жить и думать только здесь, хотя испанским владею чуть хуже русского, да и английский у меня приличный... Я прекрасно понимаю уязвимость своего положения здесь. Все — с кем-то, у каждого есть свой клан,

нимаю. Это косвенное признание моих заслуг. Они возвращают мне долги.
— Семья настоящая, чтобы я переключился на что-то другое: у меня серьезная травма левого колена. Теперь томясь ножку летаю над Москвой на четырехместном самолете: конечно, это не моя собственность, ибо, как показывают подсчеты американцев, самолет имеет смысл покупать, если вы ежедневно проводите в воздухе не меньше 4 часов. Тогда затраты на его содержание окупятся в неделю... Вчера облетел Москву по МКАД. Управился за 45 минут на высоте 150 метров: быстренько.

Снегокат не купил, потому что снега нет
— Что за странная страсть ко всяким экстремальностям?
— Отчасти дело в возрасте: мне сорок два года. Мужчины в сорок лет переживают так называемый middle-life crisis, доказывая себе и окружающим, что они еще молоды. — один мой приятель в сорок лет женился на двадцатисемилетней, увлекся конным спортом (что рекомендовал мне: ему кажется, что занятия с лошадьми способствуют самоуглублению)... Я летаю на самолете, стреляю из лука, и только бесснежная зима остановила меня от покупки снегоката. Такая покупка требует постепенности, в которой заключено особое блаженство: сначала ты угориваешь семью, потом залезаешь в Интернет и ищешь подходящее предложение, потом выбираешь наиболее симпатичную модель... и тут оказывается, что нет снега.
— А вы до этого ездили на снегокате?
— Никогда в жизни.
— Никогда не пойму: откуда в вас, при вполне пролетарском происхождении, взялась эта тяга к аристократическим развлечениям? И вообще некоторый шик?
— Ну, такие вещи не опреде-

Я люблю Лужкова совершенно искренне, потому что его не любить нельзя! Он очень чистый, очень такой трогательный. Он дитя в сущности.

Березовскому несколько сложнее. Он — злой волшебник, в сказочной стране вроде нашей обязана быть такая ниша. А когда ты волшебник, то знак уже неважен, важен модуль. Добрый, злой — какая разница: важно, что маг. Сказал, и сделалось. А уехав, Боря престал быть волшебником и остался просто злым. Хотя его аура по-прежнему довольно сильно: осенью прошлого года я ужинал с одним весьма высокопоставлен-

а — один совершенно. Не с властью, не с Березовским, не с оппозицией и даже не с командой ТВ-6. Идеальная мишень. Не исключаю, что кто-то пристукнет меня просто из желания сделать властям приятно, хотя власти ни о чем подобном не просили. Меня действительно хотели посадить. И не посадили только потому, что очень трудно отца трех несовершеннолетних дочерей посадить за нанесение легких телесных по-

по настоянию близких родственников

НА САМОЛЕТ

делало ровно то же, только вбитами в Кремле. Стоит ли спрашивать, куда потекли региональные бароны?

Нет, Россия долго еще будет аристократической страной. Сказочной страной, сказал бы я.
— Вы прямо-таки имперец, как я посмотрю.
— Да, конечно. Я солдат империи. Одинокий, не очень склонный к занятиям строевой подготовкой, но — солдат моей империи.

Когда отвергал предложение Путина, не думал о своей выгоде
— Как вы относитесь к высказыванию Путина «Россия либо будет империей, либо не будет вообще»?
— Очень хорошо, потому что это мое высказывание. Неоднократно повторявшееся и до 1999 года. А еще точнее, это слова Андрея Белого из романа «Петербург»: о том, что Петербург может быть только столицей — либо нет Петербурга.
— Да, Путин-то вряд ли читал Андрея Белого...
— Ну почему? Я не стал бы преувеличивать узость его сознания. Он вовсе не тот азиатский деспот, каким многие его рисуют. Больше того, я не люблю давать прогнозы, хотя меня часто об этом просят, — но один совет дать могу: берегите Путина. Путин — прагматик, петербуржец, а страна хочет деспота и невольно приписывает нынешнему президенту деспотические черты. Путин же — даист, типичный последователь Лао-Цзы, его философия недеяния. Философия Лао-Цзы гласит, в частности, что сущностям надо дать развиваться. Вот Путин и дает развиваться всем сущностям. Не скрою, это опасно, поскольку среди наших сущностей есть и такие, которым

— Вы не жалеете о том, что отвергли и, более того, сделали достоянием гласности его предложение о сотрудничестве? Вы могли бы сейчас весьма положительно влиять на ситуацию, да и нельзя же, чтобы в окружении президента были одни подхалимы...
— Я не думал тогда о своей выгоде и невыгоде. У меня слишком силен был осадок от «Курска». Я поехал в Видзеву, попросив о содействии Александра Стальевича Волощина. Прямо сказал ему: Александр Стальевич, билет у меня в кармане, и я полечу все равно. Но мне хотелось бы содействия,

президентства Путина вы не стали больше любить Лужкова? Говорю сейчас не о вашем юмористическом намерении «защитить его от окружения», но об истинном отношении к нему...
— Да я люблю его совершенно искренне, потому что его не любить нельзя! Он очень чистый, очень такой трогательный. Он дитя в сущности. Вот прочел его книгу «Законы Паркинсона» (не сомневаюсь, что книга — его, он узнаваем): он очень счастлив, что понял шутку! Пересказывает ее на пяти страницах, чтобы все поняли, как хорошо он ее понял. По-

У меня нет сейчас никаких планов. Я живу очень экзистенциально, пытаюсь просто быть. Это не так легко, но захватывающе интересно.

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

На пятый день на Мальдивах мечтаю о доме
— Ну, вы-то себя здесь чужим не чувствуете...
— Никогда. Я люблю мой народ — и смею думать, что знаю его. Я офицерский сын, вырос на аэродроме. Я люблю Испанию,

вредлений (под которыми имелся в виду синяк на ноге: никакого перелома грудины там не было).
— Вы уверены, что это была провокация?
— Я уверен, что это было никакой провокацией. Потом из зурядного ДТП попытались раздуть уголовное дело, но сам по себе капитан Никитин, по моему убеждению, никакого спецзадания там не выполнял. Просто потому, что люди не ходят на спецзадания с таким содержанием алкоголя в крови. Хотелось бы, по крайней мере, верить, что спецслужбы еще не спились.
Но желание некоторых людей в ходе этого процесса свести со мной счеты я понимаю и при-

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. Сидим едим... Потом чиновник поднимает на меня глаза и говорит: нет, все-таки Березовский зря не скажет. Как ты думаешь? Да, отвечаю я, внутренние хохоча: Березовский зря не скажет...
— Он хочет вернуться?
— Да. Хотя не знаю, зачем ему это нужно. Там он — князь Курбский, ведущий с Грозным герцогскую переписку. Здесь — пенсионер.
— Интересно, а к Гусинскому как вы относитесь? Не любите его?
— Я люблю свою жену. С некоторыми мужчинами я дружу. Дружба предполагает полемику по множеству вопросов: например, о месте крупного бизнеса в современной политике. Или о роли народа в истории: я считаю, что историю делает народ, его мнение, а мой друг Березовский полагает, что достаточно купить или очаровать элиту. Поэтому он и оказался за границей в конечном итоге, хотя внутренне, полагаю, был к этому готов с самого начала — потому что чувствовал себя чужим в этой стране, но не всегда себе в этом признавался. С Березовским я могу спорить обо всем этом, потому что он мне близок и безразличен, несмотря на все расхождения. С Гусинским же и спорить не стану: какой смысл?

нум кремлевским чиновником. Он спросил меня: вот, Боря предсказывает, что Путин не досидит в Кремле до зимы. Он что, сошел с ума? Я отвечаю: да, наверное, сошел с ума. С